
В. Г. ВОВИНА-ЛЕБЕДЕВА

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
С.-Петербург, Россия

Пушкинский Дом и другие «заповедники науки» в переписке Я. С. Лурье с А. А. Зиминым

РЕЗЮМЕ

В статье представлен обзор и анализ известий о Пушкинском Доме и других академических институтах 1950—1970-х гг., а также их сотрудниках, упоминаемых в переписке выдающихся историков и источниковедов Я. С. Лурье и А. А. Зимины. Особенное внимание обращено на то, в каком контексте упоминается в письмах О. В. Творогов. В итоге делается вывод, что он был одним из тех лиц, благодаря которым удалось отчасти сгладить глубокий конфликт, возникший между А. А. Зиминым и сотрудниками Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома в связи с книгой А. А. Зимины, посвященной «Слову о полку Игореве».

Ключевые слова: Я. С. Лурье, А. А. Зимин, О. В. Творогов, Д. С. Лихачев, Н. Е. Носов, ИРЛИ, ЛОИИ.

Varvara G. Vovina-Lebedeva (Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia). Pushkinskii Dom and Other «Academic Territories» in the Correspondence between Yakov S. Lurie and Aleksandr A. Zimin

ABSTRACT

This article reviews and analyzes the remarks about the academic staff of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) and of some other academic research institutes that were made by the outstanding historians and textual critics Yakov S. Lurie and Aleksandr A. Zimin in their correspondence in the period from the 1950s to the 1970s. The author of the article pays particular attention to the context in which they mention Oleg V. Tvorogov. The study of the letters led to the conclusion that Tvorogov was one of those persons who helped to ease the deep conflict between Zimin and the academic staff of the Department of Medieval Russian Literature of the Pushkinskii Dom over Zimin's work about *The Tale of Igor's Campaign*.

Keywords: Yakov S. Lur'e, Aleksandr A. Zimin, Oleg V. Tvorogov, Dmitrii S. Likhachev, Nikolai E. Nosov, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, Pushkinskii Dom, Leningrad Branch of the Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

Обширная переписка Я. С. Лурье с А. А. Зиминым (оригиналы писем Я. С. Лурье и ксерокопии писем А. А. Зимины) в настоящее время хранится в Архиве СПбИИ РАН. С разрешения вдовы Я. С. Лурье И. Е. Ганелиной я работала с этими материалами еще до передачи их на хранение в архив и уже ссылалась на них ранее.¹

¹ *Вовина-Лебедева В. Г.* 1) Школы исследования русских летописей: XIX—XX вв. СПб., 2011. С. 476, 754; 2) Переписка Я. С. Лурье и В. Д. Бонч-Бруевича: [Вступ. ст.] // Лурье Я. С. Избранные статьи и письма. СПб., 2011. С. 215—226.

Как любой текст личного происхождения, эта переписка не является ни полностью объективным, ни всесторонним источником для оценки атмосферы в Пушкинском Доме. В данном случае была и дополнительная причина — история, связанная со «Словом о полку Игореве» и обсуждением в Пушкинском Доме концепции А. А. Зимина о его позднем происхождении. Она, как известно, привела к резкому охлаждению отношений А. А. Зимина с Д. С. Лихачевым и другими сотрудниками Сектора древнерусской литературы.² Я. С. Лурье не разделял концепцию А. А. Зимина полностью, но был уверен в том, что тот имел право ее высказать, и восхищался в этой связи его смелостью. Поскольку в обсуждение этого вопроса включились люди, далекие от науки, руководствовавшиеся вовсе не научными соображениями, история с обсуждением неопубликованной книги, неоднократно освещавшаяся в историографии, оставила тяжелый след в памяти не только А. А. Зимина, но и сотрудников Пушкинского Дома.³

Это, конечно, отразилось на переписке, о которой идет речь, и давало о себе знать еще много лет спустя. Я. С. Лурье постоянно указывал А. А. Зимину на то, что тот часто пишет сгоряча. В письмах А. А. Зимина, действительно, встречаются запальчивые характеристики. В особенности Я. С. Лурье вынужден был указывать А. А. Зимину на его несправедливость в отношении тех сотрудников Сектора древнерусской литературы, с которыми он сам был близок и которых высоко ценил; в первую очередь речь шла о Р. П. Дмитриевой, Л. А. Дмитриеве, а также об О. В. Творогове.

Сказанное не следует упускать из виду, обращаясь к указанной переписке, тем не менее она является богатым по содержанию и разнообразным по сообщаемым сведениям источником по истории науки в Ленинграде и Москве середины и второй половины XX в., охватывая период в несколько десятилетий. Переписка началась в 1951 г. и продолжалась до 1979 г. В общей сложности сохранилось около 800 писем. Большая их часть включает в себе обсуждение сугубо научных вопросов. Из крупных научных проблем, которые обсуждали корреспонденты, можно назвать сочинения Ивана Пересветова, текстологию Посланий Иосифа Волоцкого, конечно, текстологические проблемы «Слова о полку Игореве», переписку Ивана Грозного и князя Курбского, полемику с А. Г. Кузьминым (в письмах он иронично именовался «Фебом» или «Бельведерским»), обсуждение книги Э. Кинана о переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским, сочинений Л. Н. Гумилева, материалов следственного дела о смерти царевича Дмитрия (в связи со спором между А. А. Зиминным и Р. Г. Скрынниковым по этому вопросу) и многое другое. В переписке можно найти полемику о принципах источникововедческого анализа, о гипотезах и догадках в научном исследовании — о том, чему позднее, в том числе уже после смерти А. А. Зимина, Я. С. Лурье посвятил ряд теоретических статей.⁴

² Та часть переписки, которая касалась обсуждения вопроса о «Слове», была уже опубликована Е. И. Ванесвой: Из писем Я. С. Лурье к А. А. Зимину по поводу датировки «Слова о полку Игореве» / Подгот. текста Е. И. Ванесвой; вступ. заметка О. В. Творогова // Звезда. 2006. № 2. С. 89—104.

³ См. подробнее: История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Л. В. Соколовой. СПб., 2010.

⁴ Переизданы в кн.: Лурье Я. С. Избранные статьи и письма. С. 13—116.

Постепенно в письмах стали встречаться сообщения о выходе книг, зарисовки быта и описание времяпрепровождения авторов писем. Все больше места отводилось обсуждению фильмов (оба корреспондента были киноманами), театральных постановок, спорам о литературе и полемике по поводу коллег и различных ситуаций, складывавшихся в академических кругах. Дело в том, что корреспонденты, хотя и ближайшие друзья, были очень разными людьми и сознавали это. Они часто спорили, писали друг другу обидные вещи (особенно А. А. Зимин). Но и Я. С. Лурье бывал резко критичен к лицам, ему чуждым в человеческом или профессиональном отношении. Так, например, он не мог сдерживаться, когда речь заходила о К. Н. Сербиной, хотя последняя, как и он сам, была ученицей, причем любимой, М. Д. Приселкова, то есть, казалось бы, принадлежала к одной с ним научной школе. Но Я. С. Лурье считал (и видимо, не ошибался), что она не могла (и не стремилась) развивать шахматовское направление в исследованиях летописания, и простить ей этого не мог.

Я. С. Лурье стал сотрудником Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома в 1957 г. Уже тогда он писал А. А. Зимину письма, во многом поясняющие его позицию в развернувшихся позднее событиях: «...Ваши многочисленные критические замечания в мой адрес — устные и письменные (включая и такие, которые причиняли мне огорчение внеучебного порядка, как рецензия на „Послания Грозного“), не колебали моего отношения к Вам, именно потому, что отношение это строилось не на каких-либо утилитарных основах, а на твердом убеждении, что <...> для Вас научная истина дороже, чем „сокровища персидского царя“ и чем личный успех».⁵

Положение Я. С. Лурье в это время было непростым. В одном из писем от 22 сентября 1957 г. он писал: «Дела мои меня не радуют. Постепенно все с большей ясностью обнаруживается, что пересадка на филологическую или, вернее, — литературоведческую почву — вещь не безболезненная. Дирекция исподволь, но настойчиво подчеркивает нежелательность для нее историков, засевавших в древнем секторе. Споры возникают, прежде всего, вокруг тем. Дмитрия Сергеевича мне, в общем, удалось убедить утвердить в плане тему моего *opus magnum*⁶. Долго мы с ним думали о названии — „Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — нач. XVI века“ (ему это кажется весьма солидным — как Ваше мнение?). Перед самым утверждением ученый секретарь Гусев сообщил сногшибательную новость: В. В. Виноградов осуждал наклонность нашего сектора к публицистике, учитывая, что имеется капитальный труд Будовница⁶, да еще Зимин пишет на эту тему. Стали изгонять публицистику из меня и Казаковой⁷ (у нее было: „Очерки по истории публицистики XVI века“); получилось — у меня „Идеологическая борьба в русской литературе конца XV века“; у Казаковой „Литература нестяжателей“».

⁵ Здесь и далее будем при ссылках на текст писем приводить в ряде случаев только год, так как многие из них не имеют точных дат.

⁶ Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947.

⁷ Н. А. Казакова, сотрудник Пушкинского Дома в 1956—1960 гг., до этого вместе с Я. С. Лурье работала в Музее истории религии и атеизма АН СССР.

В том же 1957 г., 3 октября, Я. С. Лурье писал: «Мы недавно обсуждали на секторе книгу Чижевского „Aus Zwei Welten“, знаете ли Вы ее?⁸ Там статья „Die ‘soziale Frage’ in den altslavischen Literaturen“, направленная против нашей историографии. Аргументация: в вопросе о социальной характеристике Даниила Заточника 5 авторов, стоящих на одних теоретических позициях (Гудзий, Романов и т. д.) пришли к 5 разным выводам, следовательно, это ерунда. Нельзя подходить к людям Средних веков с психологией (!) нашего времени, средневековая идеология — общехристианская, при чем здесь социальные проблемы? Дмитрий Сергеевич считает, что статью нельзя оставить без какого-либо ответа, причем последний должен быть корректен и убедителен для аудитории Чижевского. Он предложил мне написать статью для „Известий СЛЯ“.⁹ Не знаю, как быть: contra больше, чем pro. Конечно, поспорить здесь хотелось бы (ибо концепция Чижевского не только глупость, но глупость, по кусочкам часто встречающаяся), но взять тон со всех точек зрения правильный очень трудно; работа трудоемкая и научно-бесплодная. Как Вы на это смотрите (может быть — если читали статью — Вы тоже приняли бы участие?)?»

В письме от 19 апреля 1959 г. Я. С. Лурье сообщал о намечавшемся изменении структуры Пушкинского Дома: «У нас в предвиденье реорганизации сверху идет усиленная подготовительная работа снизу. Дирекция ИРЛИ решила было разбить всех вместе секторов на группы, и мы должны были стать группой, равной по масштабам (и очевидно, в дальнейшем по издательским возможностям) группе по изданию сочинений Тургенева и т. д. Дмитрий Сергеевич развил бурную деятельность и создал ослепительный по своей стройности проект, по которому весь институт должен быть разделен на отделы — древней, новой и советской литературы, а также фольклора, которые уже в свою очередь делятся на группы. Для подчеркивания мощи нашего отдела он также разделяется на группы — по изданию памятников древнерусской литературы, по изданию „Трудов Отдела“ (теперь законно!), по исследованию древнерусско-славянских связей (главой первого из этих номинальных подразделений должен стать я!) и, наконец, кабинет древнерусской литературы (археографическая работа, собрание рукописей, картотека, библиографическая работа и т. д.) во главе с В. И. Малышевым». О судьбе этого проекта далее в письмах не сообщается, но создание малышевского кабинета Я. С. Лурье расценивал как «единственный реальный пункт всей пиквикской конструкции».¹⁰

Одним из живо обсуждавшихся сюжетов переписки 1958—1959 гг. стала защита докторской диссертации Я. С. Лурье, тема которой считалась исторической. Из писем ясно, что Д. С. Лихачев много сил положил на то, чтобы

⁸ Речь идет о заседании Сектора древнерусской литературы 27 сентября 1957 г. по поводу книги: *Tschizewskij D. Aus zwei Welten: Beiträge zur Geschichte der slavisch-westlichen literarischen Beziehungen.* Hague, 1956.

⁹ Известия АН СССР: Сер. лит. и яз. Здесь и далее при цитировании сохраняем подчеркивания оригинала.

¹⁰ Институт русской литературы действительно был разделен на отделы, а Отдел новой русской литературы подразделялся на группы. «Кабинет древнерусской литературы (...) во главе с В. И. Малышевым» со временем стал Древлехранилищем Пушкинского Дома, которое после смерти В. И. Малышева стало носить его имя.

продвинуть эту защиту, используя разные дипломатические приемы. Характерный пример приведен в одном из писем Лурье 1959 г.: «Письмо от Гудзия Дмитрий Сергеевич получил (<...> Дмитрий Сергеевич написал ему, доказывая, что я „историк третьестепенный (очень лестно!), а филолог (текстолог) хороший“, и прося, во всяком случае, указать, не будет ли он возражать против моей защиты». Для Я. С. Лурье очень характерно, что он передавал слова Д. С. Лихачева без обиды, вполне понимая, что именно двигало тем в переговорах с Н. К. Гудзием.

Иногда в письмах кратко сообщалось о событиях не только в Пушкинском Доме, но и в других «заповедниках науки», по выражению Я. С. Лурье (1958 г.): «В секторе — затишье, докладов до приезда Дмитрия Сергеевича (12/XI) никто делать не будет. В ЛОИИ¹¹, говорят, по приезде Ив. Ив.¹² будет продолжение его доклада, на какое-то ожидают Вашего приезда. Очень рад буду Вас видеть и принимать, материал для бесед тоже накопился изрядный (жизнь как будто специально подбирает его для наших споров), но самое продолжение великой войны между Вами и Ив. Ив. меня не радует. Но что ж поделаешь — на этот раз Вы обороняющаяся сторона».

В 1960 г. важным предметом обсуждений стал приезд в Ленинград и появление в ЛОИИ А. А. Зимина и его учеников (М. В. Бычковой, Л. И. Ивиной, С. М. Каштанова) для участия в обсуждении доклада Н. Е. Носова, который в это время был ученым секретарем (с 1961 г. начал исполнять обязанности заведующего) ЛОИИ.¹³ Обсуждение выявило резкое несогласие между Н. Е. Носовым и С. М. Каштановым по ряду важнейших вопросов актового источниковедения XV—XVI вв.: по проблеме сохранности московских грамот этого времени, оценки актов как источника по истории феодального иммунитета, по вопросу о распространении института городских приказчиков, о причинах губной реформы конца 30-х — 40-х гг. XVI в. и др.

Я. С. Лурье с иронией, представляющей одну из несомненно привлекательных черт его эпистолярного стиля, передавал А. А. Зимину по этому поводу следующее: «За последнее время мне не раз приходилось (не по моей инициативе) вспоминать Ваш последний визит в Ленинград — к сожалению, воспоминания, оставленные Вами на берегах Невы, не из лучших. Вас ругают все — даже люди, имеющие о Вас самое смутное представление. Особенное publicis получила Ваша приватная беседа с Носовым. Согласно фольклорной редакции, Вы предложили ему вообще не печатать рецензию на С. М. Каштанова (а не только удалить из нее замечания о „методологии“,

¹¹ Ленинградское отделение Института истории АН СССР, ныне — Санкт-Петербургский институт истории РАН.

¹² Речь идет об И. И. Смирнове, с которым А. А. Зимин не сходилась по целому ряду позиций относительно правления Ивана IV. В 1958 г. как раз вышла книга: *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958.

¹³ Рецензия, о которой идет речь, была впоследствии опубликована: *Носов Н. Е.* «Новое» направление в актовом источниковедении // Проблемы источниковедения. 1962. Вып. 10. С. 261—348. Эта статья являлась переработкой доклада Н. Е. Носова, сделанного 9 июня 1960 г. на объединенном заседании Секции истории СССР периода феодализма и проблемной группы по изучению вспомогательных исторических дисциплин ЛОИИ АН СССР. Доклад, как и статья, представлял собой критический разбор работ С. М. Каштанова второй половины 1950-х гг., особенно его статьи «К проблеме местного управления в России первой половины XVI в.» (История СССР. 1959. № 6. С. 134—148).

как Вы рассказывали мне) — „иначе я-то свою статью напечатаю, а Вашу все равно не дам напечатать“. Присутствовавший при этом А. И. Копанев будто бы кричал Вам: „Стыдитесь, милосдарь!“».

Обеспокоенный складывавшейся ситуацией, Я. С. Лурье старался смягчить возникшее у А. А. Зимина напряжение, теперь уже с ЛОИИ, советуя ему: «Если Носов напечатает статью, отвечайте ему, но только не „Сам дурак!“ Разберите (Вы или сам Каштанов) и опровергните его аргументацию пункт за пунктом, а не ругайте давно напечатанную книгу».¹⁴ Продолжая в том же слегка насмешливом тоне, Я. С. Лурье писал: «Вы строите полемику по принципу: „А ты кто такой?“ Вопрос заключается в следующем: типичны ли сохранившиеся материалы для того, чтобы делать какие-либо выводы статистического порядка? Или сохранение тех или иных типов грамот может объясняться какими-либо специфическими причинами; тогда картина получится неизбежно смещенной».

В одном из последовавших писем Я. С. Лурье продолжал попытки убедить А. А. Зимина не демонизировать своих оппонентов, в частности Н. Е. Носова: «Работа Каштанова своей парадоксальностью действительно чужда его духу, и критика его носила вполне искренний характер. Лучшее всего объяснил эту позицию сам Каштанов: его (Каштанова) точка зрения расходится с обычными обывательскими представлениями и потому нормально вызывает оппозицию (Новосельский, Насонов и т. д.). Заметьте, что сейчас я, чтобы не усложнять спора, принимаю а priori Вашу и его точку зрения и исхожу из того, что его рассуждения логически верны и лишь необычны по построению. Что касается искаженного изложения Вашего с Носовым разговора, то и здесь не обязательно видеть злую волю Носова». И сводя все в шутку, Яков Соломонович продолжал: «Вы были неправы, когда (во время нашего разговора в Ленинграде) исходили из предположения о нелюбви ленинградцев к москвичам; для жителей Северной столицы характерно скорее чувство некоторой приниженности, трепета по отношению к столичным. Если А. А. Зимин говорит, что он хочет, чтобы Носов переделал статью против москвича С. М. Каштанова, то имеет он в виду, конечно, чтобы ее совсем не писали, и уж он-то, генерал, добьется, что статью не напечатают! Здесь, как это часто бывает, реконструкция заменяет подлинный текст (да еще в следующих передачах). С А. И. Копаневым я как-нибудь поговорю — самому интересно. Но вообще-то в ЛОИИ меня считают предателем и московским агентом, и сплетни я узнаю со стороны (от беспристрастной Шишовой¹⁵)».

Тема имела продолжение в письмах 1962 г. Так, 11 апреля Я. С. Лурье писал: «Статью против Носова прочел (сегодня, по получении Вашего письма). Что Вам сказать? По существу мне по-прежнему судить трудно. Обвинения в выборочности, случайности („например, ...“) звучат неплохо, но Вы-то, старый агностик и субъективист, знаете, что выдвинуть подобный упрек можно против многих гуманитарных работ. Вот если бы Вы показали, что имеется N случаев, обойденных автором, которые противоречат его „например...“.

¹⁴ Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957. См. также: Зимин А. А. Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. // Исторический архив. 1960. № 3. С. 143—150.

¹⁵ Речь идет о сотруднике ЛОИИ с 1957 г. историке античности И. А. Шишовой, которая ранее, в 1954—1956 гг., вместе Я. С. Лурье работала в Музее истории религии и атеизма АН СССР.

Внешне всё это выглядит лучше, чем Ваше выступление в ЛОИИ, ибо нет мотива „а ты кто такой?“ (ибо нет статьи Носова). Но в глазах ленинградцев Вы, как Вы догадываетесь, не выигрываете: ибо они знают *Vorgeschichte* и будут видеть в этом реальный результат неудавшегося шантажа. Впрочем, на это Вы, кажется, воскладаете...».

А. А. Зимин в ответном письме писал: «Относительно Носова кивки в адрес гуманитариев имеют смешной резонанс, а „вот если б Вы показали, что имеется N случаев, обойденных автором“, показывает, что статьи Вы как следует — увы! — не прочли: 1) я в начале ее указываю точно, что он никакими архивами, кроме ЛОИИ, не пользовался, и указываю „например“ — какие акты он пропустил. Посмотрите хотя бы т. X „Проблем источниковедения“, где статья Носова и Арсения¹⁶ (к вопросу об отказе его от шахматовского метода)».

В переписке обсуждались статьи, публиковавшиеся в «Трудах Отдела древнерусской литературы». В письме Я. С. Лурье 1962 г. читаем: «Прочел статью Андреева против Альшица.¹⁷ Очень слабо — он совершенно игнорировал аргументацию, которая у того все-таки была в пользу Грозного (совпадение с посланиями, пропуск сюжетов, раскритикованных Курбским), и никак не объяснил противоречие между Синодальным списком и Царственной книгой (участники „мятежа“ — следователи в 1554 г.)». В ответном письме А. А. Зиминой говорилось: «Насчет Андреева — Альшица не все так просто. Тема имеет несколько одинаково недоказуемых решений. Может быть Грозный, может быть Висковатый, может быть NN».

В письме от 10 января 1962 г. тема ТОДРЛ возникла вновь: «„Труды“ будут выходить раз в два года по 30 листов (вместо ежегодно 50 листов!). Вот Вам собственно и ответ относительно Вашей статьи. Том XIX вообще ликвидируется (дирекция хочет и наименование снять, озаглавив его просто „Место и роль древнерусской литературы среди славянских“) — будет 30 листов чистого гей-славянства (и на него места не хватит — что-нибудь будут выкидывать — иностранцев или наших). Известный драматург Д. Аль,¹⁸ имеющий быть обаянным (Андреев) в т. XVIII, будет искать удовлетворения уже в другом месте! Чтобы избежать „депонирования“ отдельных работ, решили создать две коллективные работы: „Истоки русской беллетристики“ (разделы — Дракула, Прение, Повести о начале Москвы и т. д.) и „Классики древнерусской повествовательной прозы“ (тексты таковых, но, конечно, без разных редакций и едва ли со всеми разночтениями). Пройдет ли — не знаю».

Имя О. В. Творогова, который стал сотрудником ИРЛИ в 1961 г., встречается в переписке с начала 1960-х гг. Упоминания о нем в это время кратки, но постоянны. Вначале Я. С. Лурье был, видимо, настроен критически:

¹⁶ Арсений Николаевич Насонов был одним из продолжателей А. А. Шахматова, хотя развивал это направление в исследовании летописания не совсем так, как это делал учитель Я. С. Лурье, М. Д. Приселков. См.: *Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей*. С. 680—737.

¹⁷ Речь идет о Н. Е. Андрееве, работы которого тогда начали публиковать в СССР. См.: *Андреев Н. Е.* Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного // ТОДРЛ. М.: Л., 1962. Т. 18. Н. Е. Андреев высказал предположение о том, что автором приписок был посольский дьяк Иван Висковатый, тогда как Д. Н. Альшиц в кандидатской диссертации отстаивал мнение, что автором мог быть сам царь Иван. См.: *Альшиц Д. Н.* Приписки к лицевым летописным сводам XVI века (их происхождение и значение как исторических источников): Тез. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1947. См. также: *Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей*. С. 782—804.

¹⁸ Литературный псевдоним Д. Н. Альшица.

«...я читал Олега Творогова (...) Статья Олега была написана также весьма неудачно — все совпадающие со „Словом“ места всех списков „Задонщины“ сопоставлялись подряд; сопоставления, из которых что-то вытекало, тонули в массе таких, которые он сам считал „нейтральными“. Его страх перед реконструкциями привел к тому, что ему пришлось нагромождать кучу материала; не совсем ясен был и критерий сравнения (он отрешивался от „эстетической стороны“, но фактически не мог о ней не говорить); очень меня рассмешила аргументация, связанная с несовершенством географических представлений автора „Задонщины“: автор „Задонщины“ не знал, что Дон не мог принести в Москву тела мужей плачущих жен; дальше выяснилось, что в „Слове“ дело обстоит еще хуже (Днепр не течет ни в Путивле, ни на месте битвы), — эта „географическая несообразность“ лишний раз напоминает нам об условности художественного произведения, которая, впрочем, едва ли могла обернуться такой небрежностью, если бы „Слово“ создавалось в Новое время. Я все это обсмеял, и сейчас он переписал статью...»

Последняя фраза была неслучайной. На Я. С. Лурье, видимо, произвели впечатление как скромность О. В. Творогова, так и готовность учиться у старших коллег. О. В. Творогов постепенно все более и более воспринимался Я. С. Лурье как хоть и молодой сотрудник, но один из тех, на которых всегда можно положиться: «Сектор в наступающем году, надеюсь, будет заниматься „Истоками русской беллетристики“¹⁹ иначе я погибну, ибо эта тема — на мне. Единственное исключение — намеченная монография Л. А. Дмитриева „Куликовская битва в памятниках древнерусской литературы“. Дмитрий Сергеевич для сборника написал только введение в несколько страниц; предполагавшаяся статья пошла в „Вопросы литературы“ или в „Русскую литературу“».

В 1965 г. в письмах встречается тема университетских диспутов. Я. С. Лурье довелось мало преподавать, между тем он был замечательным лектором и полемистом, умел понятно объяснять сложные текстологические проблемы. Поэтому даже краткие встречи со студентами были для него важны и интересны, хотя он, как обычно, писал о них с легкой иронией: «...Был у нас на филфаке очень забавный диспут с Дмитрием Сергеевичем — часть „специурса-диспута“ — на тему „Реалистические элементы в древнерусской литературе“. Спорили жарко, но внешне, как будто, без обид...» Рассказ завершает фраза, многое говорящая о характере Я. С. Лурье: «Если дело не сорвется, главная дискуссия еще впереди».

И действительно, описание «специурса-диспута» в письмах продолжилось, с упоминанием, в частности, О. В. Творогова: «Итак, всюду страсти роковые... Дискуссия с Дмитрием Сергеевичем продолжается даже во время его отъезда в Польшу (Олег выступает „в отца место“); в прошлую пятницу опять спорили — и студенты, как это ни странно, не разбежались...» Одним из поводов для спора было определение места «правды» (под которой в данном случае Я. С. Лурье понимал историческую достоверность) в литературе: «Дмитрий Сергеевич предоставляет ей скромнейший угол — роль „королевского шута“ в искусстве; я же вижу в ней, так сказать, „прекрасную даму“ — тайную и явную любовь всех жильцов квартиры — в тайных обидах оппонент иногда

¹⁹ Книга вышла в 1970 г., см.: Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / Отв. ред. Я. С. Лурье. Л., 1970.

и забывает о логике. Дело скорее в том, что за нашим спором все решительнее выступают контуры более широких расхождений, причем доведение их до логического конца было бы для меня столь же выгодно внешне, сколь невыносимо морально. Все дело в моей наследственной приверженности к старику Демокриту из Абдер,²⁰ к которому испытывает сильную неприязнь не только Дмитрий Сергеевич, но и некоторые его юные сподвижники (один из них, бородатый четверокурсник, выступал в прошлый раз очень решительно — хотя никто, кроме меня и, может быть, еще нескольких человек, его не понял). Вот здесь — гораздо более серьезный источник возможной ссоры с Дмитрием Сергеевичем, чем Вы предположили; утешает меня только то, что аудитория, и даже верный Дмитрию Сергеевичу Олег, этой стороны дела не чувствует — потерял интерес и понимание таких сюжетов».

Ответ А. А. Зимина показывает, что и он живо интересовался позицией О. В. Творогова в описанной его корреспондентом истории: «Дорогой Яшенька! Я все-таки если и осел, то не такой уж очень лопухий. Суть ваших расхождений с Дмитрием Сергеевичем мне ясна. Я писал лишь о том, как это может быть им воспринято, хотя и другие аспекты он, возможно, учитывает. О чем же читал лекцию Олег, мне не ясно?» Я. С. Лурье отвечал: «Олег читал лекцию (двукратно) „Литературный этикет Древней Руси“...»

В 1965 г. частым сюжетом в переписке оказался также уже упомянутый сборник «Истоки русской беллетристики». Я. С. Лурье сообщал: «Я здорово завяз за последнее время: пишу вторую плановую тему этого года „Судьба беллетристических памятников в XVI в.“ (сделал меньше половины, а отчет на носу!); сделал доклад по переводным беллетристическим памятникам XV в. — прения (включая Дмитрия Сергеевича) вылились опять в общие споры („а может быть, у них был иной взгляд на беллетристику, чем у нас!“ — логика, по-моему, абсурдная, ибо самый термин „беллетристика“ — наш; вводя его, мы уже совершаем акт ретроспекции, ищем элементов того, что свойственно нашему времени, — как же можно вводить наш термин, а потом искать его „их“ толкование?). А между тем книгу пора писать, а делает это пока, кроме меня, один Олег Творогов (и в очень незначительной степени — Варвара Павловна²¹ по переводным житиям)».

Из писем видно, что отношения А. А. Зимина с многими сотрудниками Сектора, несмотря на конфликт из-за «Слова», продолжались. В одном из писем Я. С. Лурье 1965 г. сказано: «Видел вчера Руфу²², привезшую живой привет от Вас — по ее впечатлению, Вы хандрите. Жаль. У меня все довольно бесцветно и без перемен. Написал кое-как плановую „Переводную беллетристику XV в.“ (новый материал, главным образом, о „Стефаните и Ихнилате“²³ — вот это памятник!), но надо еще обширную статью (3 авторских листа) о и[стоках] беллетристики в XVI в.».

²⁰ Приверженность «к старику Демокриту из Абдер» у Я. С. Лурье означает, что он признает себя материалистом. «Наследственной» она названа потому, что отец Я. С. Лурье, известный историк античности С. Я. Лурье, долгие годы занимался исследованием Демокрита. Как раз в указанное время готовился его большой труд, см.: *Лурье С. Я.* Демокрит: Тексты, перевод, исследования. Л., 1970.

²¹ В. П. Адрианова-Перетц.

²² Р. П. Дмитриева.

²³ Исследование и издание этого текста было затем подготовлено и вышло в серии «Литературные памятники»: Стефанит и Ихнилат: Средневековая книга басен по русским летописям XV—XVII вв. / Изд. подгот. О. П. Лихачева и Я. С. Лурье. Л., 1969.

О «Слове о полку Игореве» как о больной теме в переписке с середины 1960-х гг. в подробностях речи не было.²⁴ Эпизодически встречался возврат к этой теме, главным образом в виде попыток со стороны Я. С. Лурье смягчить болезненность восприятия А. А. Зиминым любого сообщения о тех, кто принимал участие в обсуждении его работы. О. В. Творогов упоминался среди тех, кто хочет наладить с ним отношения. Так, в 1966 г. Я. С. Лурье шутливо писал: «Творогов, как будто, был рад хоть как-нибудь с Вами объясниться, но о его дальнейших намерениях ничего не знаю — на эту тему со мной не беседуют (спросили только, в каких журналах Вы еще печтаетесь на ту же тему — я сказал, что в „Мурзилке“: „Как дядя Иоиль сочинил Слово о полку Игореве“»).

В 1967 г. этот сюжет был частично продолжен, и опять Я. С. Лурье пытался уговорить своего корреспондента: «Удивительно все-таки, до чего „доминантная тема“ заслоняет для Вас все остальные!» Одновременно он старался устраивать публикации А. А. Зимина в изданиях ИРЛИ: «Насчет „Трудов“ я закидывал удочку Дмитрию Сергеевичу через Марину²⁵, но он (по ее словам) смущенно сказал, что следующий том посвящается Варваре Павловне (80 лет), а она будет таким подарком недовольна (она, действительно, еще более осуждала Вас, чем он). Но затем на 1-м юбилейном заседании Института Василий Григорьевич Базанов во вступительном слове сказал, что „Русская литература“ считает правильным, что с согласия сектора напечатала две Ваши статьи, и что заслугой А. А. З. было то, что он вновь поставил важные вопросы, заставил исследователей пересмотреть и т. д. Не предложить ли Вам ему третью статью? Но торопитесь, так как с 1968 г. он уходит из редакторов...»

Отношения же А. А. Зимина с О. В. Твороговым благодаря Я. С. Лурье удалось постепенно наладить, хотя, конечно, слова «Ваш друг» в приводимой далее фразе следует воспринимать как иронию: «Ваш друг Олег Творогов едет в Москву по делам „Акира“ (для беллетристики)²⁶; заодно я попросил его уточнить Сокращенный свод (93 или 95 г.?), обнаруженный мной в ГИМ (от Вас не дождался!). Не хотите ли Вы возобновить с ним беседы? — он явно не прочь; найдете его в обоих рукописных отделах».

А. А. Зимину было трудно переступить через некоторые вещи, которые он считал для себя принципиальными и по которым «нетерпимость» необходима («...нетерпимость в этом вопросе, думаю, необходима»). Поэтому в письмах к Я. С. Лурье он продолжал критиковать последнего: «Я все, конечно, понимаю. Ваше стремление остаться „вне игры“, воздать должное обеим сторонам». Я. С. Лурье отвечал, например, в письме 1968 г.: «Что с Вами делается, Сашенька?! Пять лет тому назад (неужели уже пять лет?!) Вы совершили поступок, который у всякого, не утерявшего нормальных оценок, должен вызывать уважение. И пока спор, вызванный этим поступком, не вернется в свои нормальные рамки (одно время казалось, что возвращается, но увы...), у Вас будет огромное моральное преимущество над Вашими

²⁴ Мы специально не рассматриваем этот сюжет, так как это уже сделано Е. И. Ванесовой. См. примеч. 2.

²⁵ М. А. Салмина.

²⁶ Речь идет о переводной Повести об Акире Премудром, которая надолго стала предметом интереса О. В. Творогова. В тот момент, о котором идет речь, он писал соответствующие разделы о переводных сочинениях: См.: Истоки русской беллетристики. С. 108—141, 154—194.

научными противниками... Вы же явно начинаете воспринимать любой спор с Вами с самой опасной (для самого себя!) позиции — искать гонителей и интриганов...»

Стараясь быть объективным, Я. С. Лурье в особенности старался защитить в письмах «старого противника» (по его словам) А. А. Зимина — Р. П. Дмитриеву: «Единственное, из-за чего я ругал Руфу (не знаю, рассказывала ли Вам об этом Н. А.²⁷), — это то, что споря с Вами, она говорила о Вашем „желании“ (или „попытке“) доказать то-то и то-то, — я сказал, что ее дело разбирать аргументы, а не „читать в сердце“. Я не участвую в сборнике против Вас, ибо такого сборника не предполагается — не по чину берете!..»

А упоминания об «Олеге» продолжают встречаться в письмах все чаще. Конечно, упоминаний о Д. С. Лихачеве там больше, но «Олег» — как будто постоянный рефрен, постоянно звучащая нота в отношении Сектора древнерусской литературы. Пожалуй, с такой же частотой из «секторян» (это слово иногда употреблялось в письмах) упоминается только «Руфа» — Р. П. Дмитриева, «Лева» — Л. А. Дмитриев и «Марина» — М. А. Салмина.

Кроме того, в письмах Я. С. Лурье коллеги по Сектору древнерусской литературы ИРЛИ именуется «наши». Именно так, например, говорится о докладе-диспуте Б. М. Клосса и Я. С. Лурье «Никаноровская и Вологодско-Пермская летопись», состоявшемся 17 декабря 1969 г. Я. С. Лурье, который высоко ценил Б. М. Клосса, писал об этом диспуте так: «...простите, что долго не отвечал — сидел как проклятый над „Никаноровской и Вологодско-Пермской летописью“, заканчивая статью (плановая!) и готовясь к докладу — диспуту с Клоссом. Сегодня доклад состоялся. Настроение смутное — наши меня хвалят, но скорее желая утешить после провала в ноябре (кто Вам докладывал о ноябрьском заседании, да еще в лестном для меня изложении?)».

Между тем отношения с О. В. Твороговым у самого Я. С. Лурье становились, судя по письмам, доверительными. В письме от 1 февраля 1970 г. помещен такой постскрипtum: «Р. С. Служебный адрес на конверте — автоматически. Писал другие, более официальные, а Олег (я в Институте) отвлекал меня этическими беседами. Закончились они вполне удовлетворительным для Вас образом».

Из других лиц, которые появляются в письмах последнего десятилетия переписки, «годовавший в Ленинграде Даниэль Во», который «делает из нас с Вами отбивную котлету за определение водяных знаков по Лихачеву — Брике без учета всех материалов».²⁸

Кроме того, в письмах продолжали обсуждаться научные заседания и конференции. Так, Я. С. Лурье писал о конференции памяти А. А. Шахматова: «В среду начинается Шахматовская сессия; кажется, БАР²⁹ не придет, ибо хоронит какого-то коллегу (в прямом смысле). У меня доклад „ААШ³⁰ и лето-

²⁷ Видимо, Н. А. Казакова.

²⁸ Даниэль Уо — американский филолог и историк, специалист по древнерусской книжности, стажировался в Ленинграде, исследовал собрание рукописей Ф. А. Толстого; эта работа опубликована на английском языке в 1977 г., см. русский перевод: Славянские рукописи собрания Ф. А. Толстого: Материалы к истории собрания и указатели старых и новых шифров: [Перевод] / Сост. Д. К. Уо. Л., 1980.

²⁹ Б. А. Рыбаков.

³⁰ А. А. Шахматов.

писание XV в.“; хочу впихнуть три темы: „Новг(ородско)-Соф(ийский) свод (1448 г.)“ (антиновгородский характер, Полихрона не было), „1-й великокняжеский свод, предшествовавший 1479 году“ (независимо от Нкр³¹ — есть в Музейном летописце и львовских), „Кир(илло)-Бел(озерский) источник Ерм(олаевской), Сокр(ашенных) сводов и Уст(южского летописца)“; не знаю, умещусь ли за 30 минут».³²

В последние годы появились дополнительные общие темы, сблизившие А. А. Зими́на с Пушкинским Домом. Одним из них стал в начале 1970-х гг. сюжет о докторской диссертации А. Г. Кузьмина, которая была воспринята как выступление против шахматовского метода исследования летописания и к которой поэтому критически отнеслись и Д. С. Лихачев, и Я. С. Лурье, и А. А. Зимин.³³ Кроме того, по-прежнему обсуждались возможные публикации А. А. Зими́на в изданиях ИРЛИ.

В письмах А. А. Зими́на этих лет стали встречаться фрагменты, которых трудно было бы ожидать в письмах 1960-х гг. Так, в 1972 г. он писал по поводу книги О. В. Творогова о русских хронографах: «Видел Олега. Он — молодец. Какую массу сделал! Кстати, он сказал, что в секторе есть какая-то итальянская статья о Задонщине с переводом (в духе Фрчека³⁴). Не могли бы Вы прислать мне ее название, а если б заглянули бы в перевод, то тоже было бы недурственно». А. А. Зимин даже стал сообщать детали академических событий в Москве с участием Д. С. Лихачева, и снова с упоминанием О. В. Творогова: «Дмитрий Сергеевич тут во время доклада на совете у Рыбакова подверг разгрому Кинана. (...) Кстати, Олег говорил: „что это за разбойник Кинан? Яков Соломонович очень ругается“. Вот видите! Смотрите. Всякое Ваше выступление легко вставить в усовершенствованном виде в рамку...» Позднее с таким же вниманием А. А. Зимин интересовался докторской защитой О. В. Творогова, а также Л. А. Дмитриева, а получив авторефераты, заметил: «Каждый хорош в своем роде. От всей души желаю им успеха (что и написал обоим)».

Вскоре в переписке началось обсуждение вышедшей тогда книги Эдварда Кинана (*Keenan Edward L. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. The Seventeenth-Century Genesis of the «correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1971*). Разумеется, и А. А. Зимин, и Я. С. Лурье втянулись в это обсуждение с большим интересом. Я. С. Лурье писал: «Что касается „Groznyi — Kurbskii — Apocrypha“, то книга вышла; мы ее еще, правда, не получили. Я написал автору письмо (на основании текста, привезенного Уо), копию которого Вам посылаю; из него

³¹ Никаноровская летопись.

³² В этом месте письма Я. С. Лурье тезисно изложил несколько своих будущих статей, содержание которых вошло затем и в книгу об общерусском летописании. См. подробнее: *Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976*.

³³ В результате появилась известная совместная статья: *Лихачев Д. С., Янин В. Л., Лурье Я. С. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 194—203*. Я. С. Лурье предлагал участие в этой статье А. А. Зимину, но тот предпочел выступить отдельно, считая, что отдельные статьи будут иметь больший эффект, см.: *Зимин А. А. О методике изучения древнерусского летописания // Известия АН СССР: Сер. лит. и яз.. 1974. Т. 33, № 5. С. 454—463*.

³⁴ Я. Фрчек — чешский исследователь (1896—1942), считавший Краткую редакцию «Задонщины» (представленную Кирилло-Белозерским списком) первоначальной.

можете видеть и мою позицию, и принятое решение — сперва провести спор лично с автором, а затем писать ⟨...⟩ В „Русскую литературу“ будет писать Дмитрий Сергеевич, но лишь после получения книги; до сих пор у нас он говорил только анонимно — в присутствии Уо, с которым мы потом это обсуждали, — об авторах, которые гипертрофировали его идею „конвоя“, подменяя „конвоем“ внутреннюю текстологию (именно это я имел в виду, пиша о „впечатлении читателя“ от 1-й главы)».

По поводу книги Кинана писали и А. А. Зимин, и Я. С. Лурье, появилась целая книга полемики, написанная Р. Г. Скрынниковым. «Статья Ваша, — писал Я. С. Лурье, — получена и передана Л. А.³⁵ для ТОДРЛ, т. XXXI. Дмитрий Сергеевич очень рад и сделал наши выступления против Кинана темой секторского совещания на идеологически-теоретические темы (проведено с зам. директором — в связи с Гелианом³⁶). Я отметил недостатки Скрынникова³⁷ (в выступлении — единственная тема). Посылаю Вам экземпляр моей статьи³⁸ — потом верните, хочу послать Дану Дональдичу³⁹».

И почти во всех письмах 1970-х гг. упоминается, что нужно что-нибудь спросить у О. В. Творогова или о чем-нибудь попросить его. Так, А. А. Зимин просил «спросить у О. В. Творогова — не встречалось ли ему I-е послание Курбского еще где-либо в Хронографах». А Я. С. Лурье в 1974 г. замечал: «Ужасное это мое свойство — шифр хронографа с посланием Курбского F. IV. 198 в издании я тоже переврал (О. В. Творогов думает, что это F. IV. 178 — я заказал ее)». А в другом письме: «На днях сделаю отпечатки с негативной пленки О. В. Творогова, где еще один список послания Курбского ⟨...⟩ в понедельник надеюсь отправить Вам вместе с этим письмом фотографии с нового списка Послания Курбского, данного мне Твороговым...»

В 1975 г. А. А. Зимин писал из Москвы: «Узнал от Олега Творогова (он был у меня), что Вы хвораете — ни к чему бы это. Так грустно, что мы уже старые и дряхлые...» Еще более важен другой фрагмент: «На днях в академической столовке мимоходом видел Дмитрия Сергеевича. Встретились как лучшие старые друзья. Я этому очень рад. Обменялись репликами о Вашем секторе и взаимными приглашениями». Не случайно и то, что А. А. Зимин через Я. С. Лурье послал статью в сборник, который готовился в честь 70-летия Д. С. Лихачева.⁴⁰

Другую статью А. А. Зимин тогда же представил в ТОДРЛ,⁴¹ и Я. С. Лурье по этому поводу написал ему: «Правьте только простым карандашом мягко и нежно, чтобы можно было стереть, — и так уже Вас матерят за некондиционные подчеркивания и вставки, сделанные чернилами, и немедленно высы-

³⁵ Л. А. Дмитриеву. Речь идет о статье: *Зимин А. А.* Первое послание Курбского Ивану Грозному: (Текстологические проблемы) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 176—201.

³⁶ Имеется в виду Г. М. Прохоров, к которому в это время предъявлялись идеологические претензии со стороны партийного руководства Ленинграда.

³⁷ *Скрынников Р. Г.* Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973.

³⁸ *Лурье Я. С.* Первое послание Ивана Грозного Курбскому: (Вопросы истории текста) // ТОДРЛ. Т. 31. С. 202—234.

³⁹ Д. Уо.

⁴⁰ *Зимин А. А.* Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов // Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 142—147.

⁴¹ *Зимин А. А.* Выпись о втором браке Василия III // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 132—148.

лайте обратно (может быть, с О. В. Твороговым, если он с Вами встретится) (...) О секторских делах Вам расскажет О. В.».

Наконец, нельзя не процитировать одно из писем Я. С. Лурье 1977 г.: «Идем ли мы, взявшись за руки, вперед к Вечным Идеалам (как любил говорить покойный Гигант мысли И. М. Воробьянинов) или только воображаем, что идем, — не знаю, но драться все-таки приходится. Вот и сейчас Олег Творогов обрадовал меня, сообщив, что приобрел для меня экземпляр красиво изданной книги А. Кузькина-Бельведерского „Начало русского летописания и смерть Соломонычу“».⁴²

Одно из последних писем (1978 г.) содержит рассказ Я. С. Лурье о том, что в ИРЛИ прошла конференция молодых специалистов. Среди участников ее он выделил «новосибирцев»: «...руководительница чаще всего — Дергачева-Скоп⁴³, но толчок обычно дан археографическими экспедициями Н. Н. Покровского...», — а также «учениц Демковой⁴⁴, частью разъехавшихся по городам и весям», упомянул и «очень случайных москвичей и пр.», в том числе «курянина-одиночку Я. Солодкина⁴⁵». Я. С. Лурье продолжал: «Очень меня обрадовала новосибирская аспирантка из Барнаула Л. Журова (оттуда присланная в Новосибирск в целевую аспирантуру), которая честно прочитала мою книгу о летописях и использовала ее при исследовании легенды о Луке Колоцком⁴⁶ 6921 (1413) г., которая очевидно восходит к севернорусскому своду (Кирилло-Белозерскому), лежащему в основе Ерм(олаевской) летописи, Сокр(ашенных) сводов, Устюжск(ого) летописца и некоторых других (...) Л. Журова нашла еще примеры (не зная моих наблюдений) того, что Андрей Дмитриевич именовался „князем великим“ — в двух отдельных текстах повести о Луке Колоцком...» И в постскриптуе этого письма обычное упоминание об О. В. Творогове: «Р. С. Олега избрали секретарем институтской парторганизации». Так получилось, что в последнем письме Я. С. Лурье А. А. Зимину в составе исследуемого корпуса писем речь идет о молодежи, с которой оба они любили работать, а также об О. В. Творогове.

Можно видеть, как в ходе переписки и во многом благодаря ей отчасти сглаживался острый и глубокий конфликт между большой школой московских историков — учеников А. А. Зимина и самим Зиминим, с одной стороны, и школой ленинградских филологов-древников, которые окружали Д. С. Лихачева, — с другой. Каждая сторона осталась при своем мнении по большинству спорных вопросов. Но человеческие отношения постепенно восстанавливались. Этому в немалой степени способствовал Я. С. Лурье, а также другие сотрудники Пушкинского Дома, среди которых нужно не в последнюю очередь назвать О. В. Творогова.

⁴² Речь идет о монографии Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. Смысл шутки состоял в том, что значительная часть книги посвящена полемике с Я. С. Лурье, обыграно и имя ее автора — Аполлон.

⁴³ Е. И. Дергачева-Скоп.

⁴⁴ Н. С. Демкова.

⁴⁵ Я. Г. Солодкин.

⁴⁶ Журова Л. И. Повесть о Луке Колоцком в русской литературе XV—XVII веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.

Список литературы

Альшиц Д. Н. Приписки к лицевым летописным сводам XVI века (их происхождение и значение как исторических источников): Тез. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1947. 2 с.

Андреев Н. Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 18. С. 117—148.

Вовина-Лебедева В. Г. Переписка Я. С. Лурье и В. Д. Бонч-Бруевича: [Вступ. ст.] // Лурье Я. С. Избранные статьи и письма. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. С. 215—226.

Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX—XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 926, [1] с.

Журова Л. И. Повесть о Луке Колочском в русской литературе XV—XVII веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. 17 с.

Зимин А. А. Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. // Исторический архив. 1960. № 3. С. 143—150.

Зимин А. А. О методике изучения древнерусского летописания // Известия АН СССР: Сер. лит. и яз. 1974. Т. 33, № 5. С. 454—463.

Зимин А. А. Первое послание Курбского Ивану Грозному: (Текстологические проблемы) // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 176—201.

Из писем Я. С. Лурье к А. А. Зимину по поводу датировки «Слова о полку Игореве» / Подгот. текста Е. И. Ванеевой; вступ. заметка О. В. Творогова // Звезда. 2006. № 2. С. 89—104.

Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / Отв. ред. Я. С. Лурье. Л.: Наука, 1970. 595 с.

История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Л. В. Соколовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. 791 с.

Лихачев Д. С., Янин В. Л., Лурье Я. С. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 194—203.

Лурье С. Я. Демокрит: Тексты, перевод, исследования. Л.: Наука, 1970. 664 с.

Лурье Я. С. Первое послание Ивана Грозного Курбскому: (Вопросы истории текста) // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 202—234.

Носов Н. Е. «Новое» направление в актовом источниковедении // Проблемы источниковедения. 1962. Вып. 10. С. 261—348.

Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 408 с.

Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л.: Наука, 1973. 136 с.

Славянские рукописи собрания Ф. А. Толстого: Материалы к истории собрания и указатели старых и новых шифров: [Пер.] / Сост. Д. К. Уо. Л.: Изд-во БАН, 1980. 135 с.

Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI в.; М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 516 с.

Стефанит и Ихнилат: Средневековая книга басен по русским летописям XV—XVII вв. / Изд. подгот. О. П. Лихачева и Я. С. Лурье; пер. греч. текста Е. Э. Гранстрем и В. С. Шандровской. Л.: Наука, 1969. 251 с.

Tschizewskij D. Aus zwei Welten: Beiträge zur Geschichte der slavisch-westlichen literarischen Beziehungen. Hague: Mouton, 1956. 352 S.

References

Al'shits D. N. Pripiski k litsevym letopisnym svodam XVI veka (ikh proiskhozhdenie i znachenie kak istoricheskikh istochnikov): Tezisy dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk. L., 1947. 2 s.

Andreev N. E. Ob avtore pripisok v litseyvkh svodakh Groznogo // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962. T. 18. S. 117—148.

Istoki russkoi belletristiki: Voznikovenie zhanrov suzhetnogo povestvovaniia v drevnerusskoi literature / Otvetstvennyi redaktor Ia. S. Lur'e. L.: Nauka, 1970. 595 s.

Istoriia spora o podlinnosti «Slova o polku Igoreve»: Materialy diskussii 1960-kh godov / Vstupitel'naia stat'ia, sostavlenie, podgotovka tekstov i kommentarii L. V. Sokolovoi. SPb.: Izdatel'stvo «Pushkinkii Dom», 2010. 791 s.

Iz pisem Ia. S. Lur'e k A. A. Ziminu po povodu datirovki «Slova o polku Igoreve» / Podgotovka teksta E. I. Vaneevoi; vstupitel'naia zametka O. V. Tvorogova // Zvezda. 2006. № 2. S. 89—104.

Likhachev D. S., Ianin V. L., Lur'e Ia. S. Podlinnye i mnimye voprosy metodologii izucheniia russkikh letopisei // Voprosy istorii. 1973. № 8. S. 194—203.

Lur'e Ia. S. Pervoe poslanie Ivana Groznogo Kurbskomu (Voprosy istorii teksta) // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. L.: Nauka, 1976. T. 31. S. 202—234.

Lur'e S. Ia. Demokrit: Teksty, perevod, issledovaniia. L.: Nauka, 1970. 664 s.

Nosov N. E. «Novoe» napravlenie v aktovom istochnikovedenii // Problemy istochnikovedeniia. 1962. T. 10. S. 261—348.

Nosov N. E. Ocherki po istorii mestnogo upravleniia Russkogo gosudarstva pervoi poloviny XVI veka. M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. 408 s.

Skrynnikov R. G. Perepiska Groznogo i Kurbskogo: Paradoksy Edvarda Kinana. L.: Nauka, 1973. 136 s.

Slavianskie rukopisi sobraniia F. A. Tolstogo: Materialy k istorii sobraniia i ukazateli starykh i novykh shifrov: [Perevod] / Sostavitel' D. K. Uo. L.: Izdatel'stvo Biblioteki Akademii nauk, 1980. 135 s.

Smirnov I. I. Ocherki politicheskoi istorii Russkogo gosudarstva 30—50-kh godov XVI veka. M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. 516 s.

Stefanit i Ikhnilat: Srednevekovaia kniga basen po russkim letopisiam XV—XVII vekov / Izdanie podgotovili O. P. Likhacheva i Ia. S. Lur'e; perevod grecheskogo teksta E. E. Granstrem i V. S. Shandrovskoi. L.: Nauka, 1969. 251 s.

Vovina-Lebedeva V. G. Perepiska Ia. S. Lur'e i V. D. Bonch-Bruevicha: [Vstupitel'naia stat'ia] // Lur'e Ia. S. Izbrannye stat'i i pis'ma. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2011. S. 215—226.

Vovina-Lebedeva V. G. Shkoly issledovaniia russkikh letopisei: XIX—XX veka. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2011. 926, [1] s.

Zhurova L. I. Povest' o Luke Kolochskom v russkoi literature XV—XVII vekov: Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. L., 1981. 17 s.

Zimin A. A. Iz istorii tsentral'nogo i mestnogo upravleniia v pervoi polovine XVI veka // Istoricheskii arkhiv. 1960. № 3. S. 143—150.

Zimin A. A. O metodike izucheniia drevnerusskogo letopisaniia // Izvestiia Akademii nauk SSSR: Seriia literatury i iazyka. 1974. T. 33, № 5. S. 454—463.

Zimin A. A. Pervoe poslanie Kurbskogo Ivanu Groznomu: (Tekstologicheskie problemy) // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. L.: Nauka, 1976. T. 31. S. 176—201.